

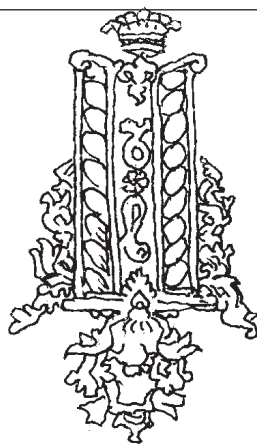
БОЛОТОВ В ДОМЕ

(в с т у п л е н и е)

1.

Электрические опыты,
Любопытства и удивленья
Достойные
Пристойные
К врачеванию параличей
И многих других болезней.

«Для наших врачей
Нет ничего полезней»,
– начеркал Болотов на полях страницы,
отпечатанной на днях в столице
в вольной типографии Кристофора Клавдия.
«Разумный взгляд! – дай и я
попробую», – решил.

Припомнил опыты в Богородицке прошлым
летом.

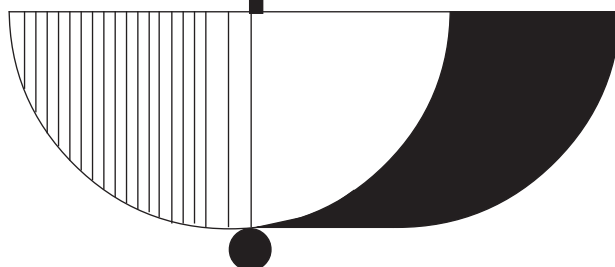
«Тогда поспешил, да и пожар всё порешил,
Но при этом
воспламенил
Склонность мою и охоту...»

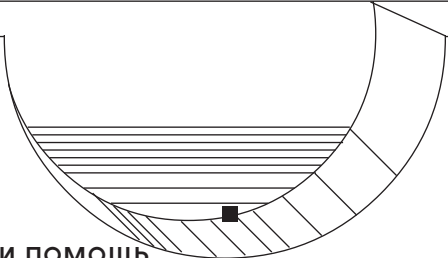
Ботаник Джон Хилл
Отложен до времени, Болотов заварил
шалфей – и засел за работу.

Е.

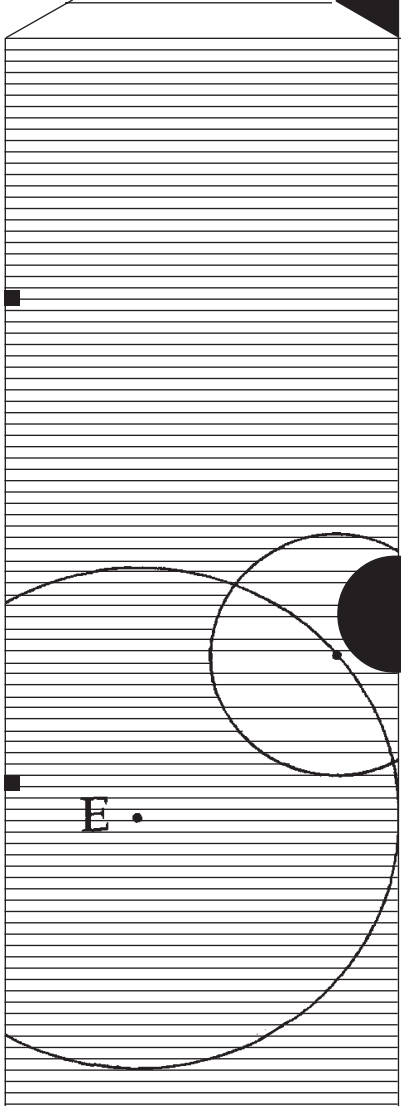
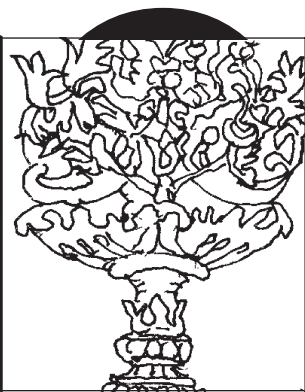
2.

«И вот слух об электрицизмом
удачном лечении разнёсся повсюду.
Самому разному люду

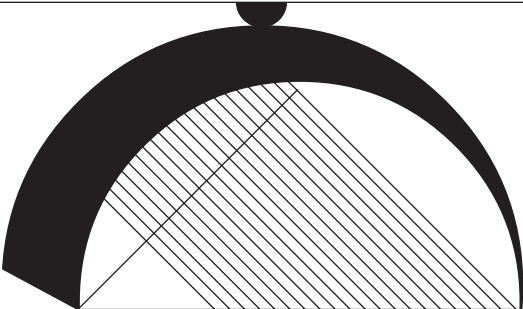
Оказали помощь
мы с сыном, да и машины
мощь велика! Чтоб остыла
Приходилось обкладывать
со двора носимыми холодными тканями».

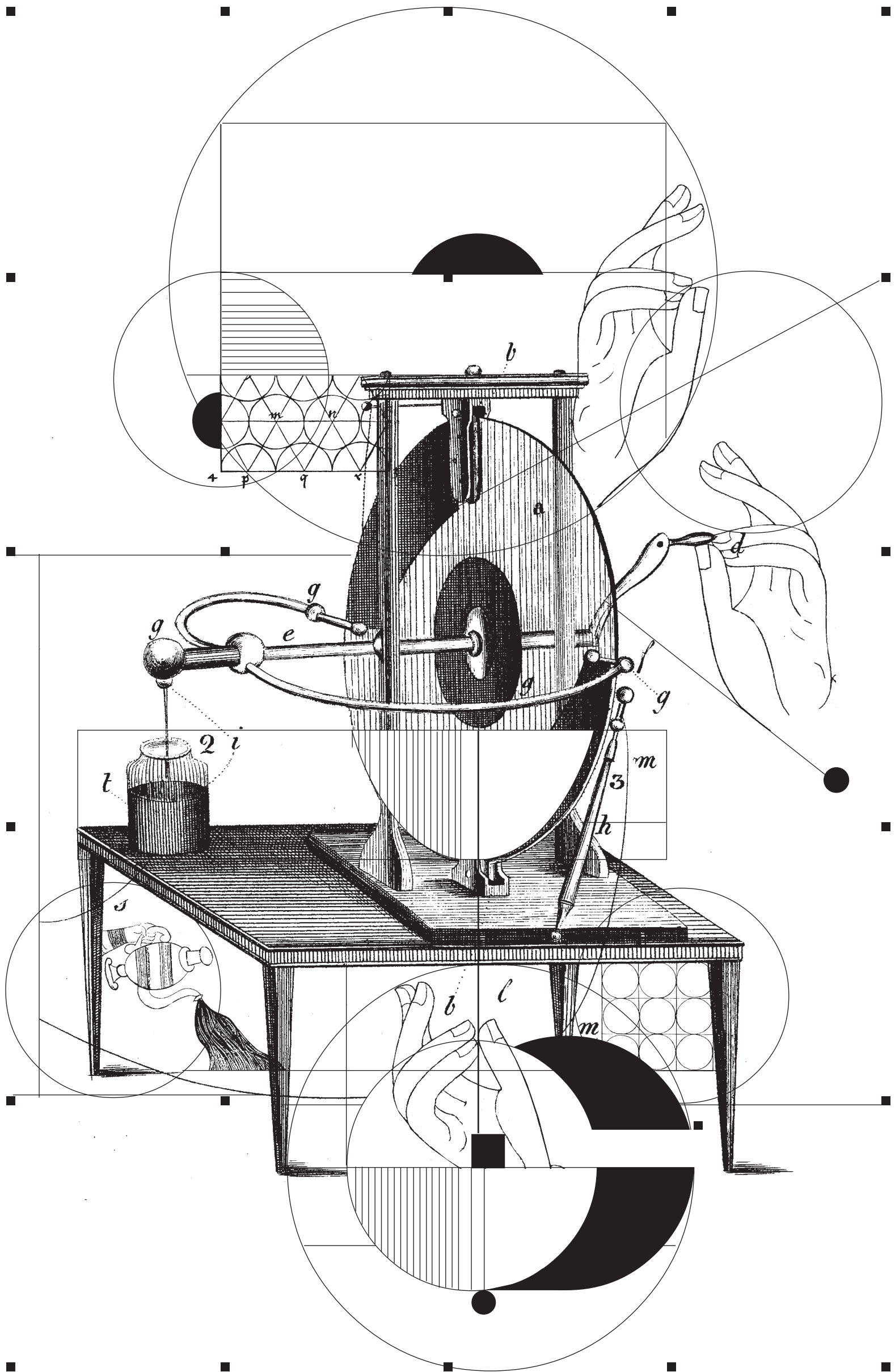

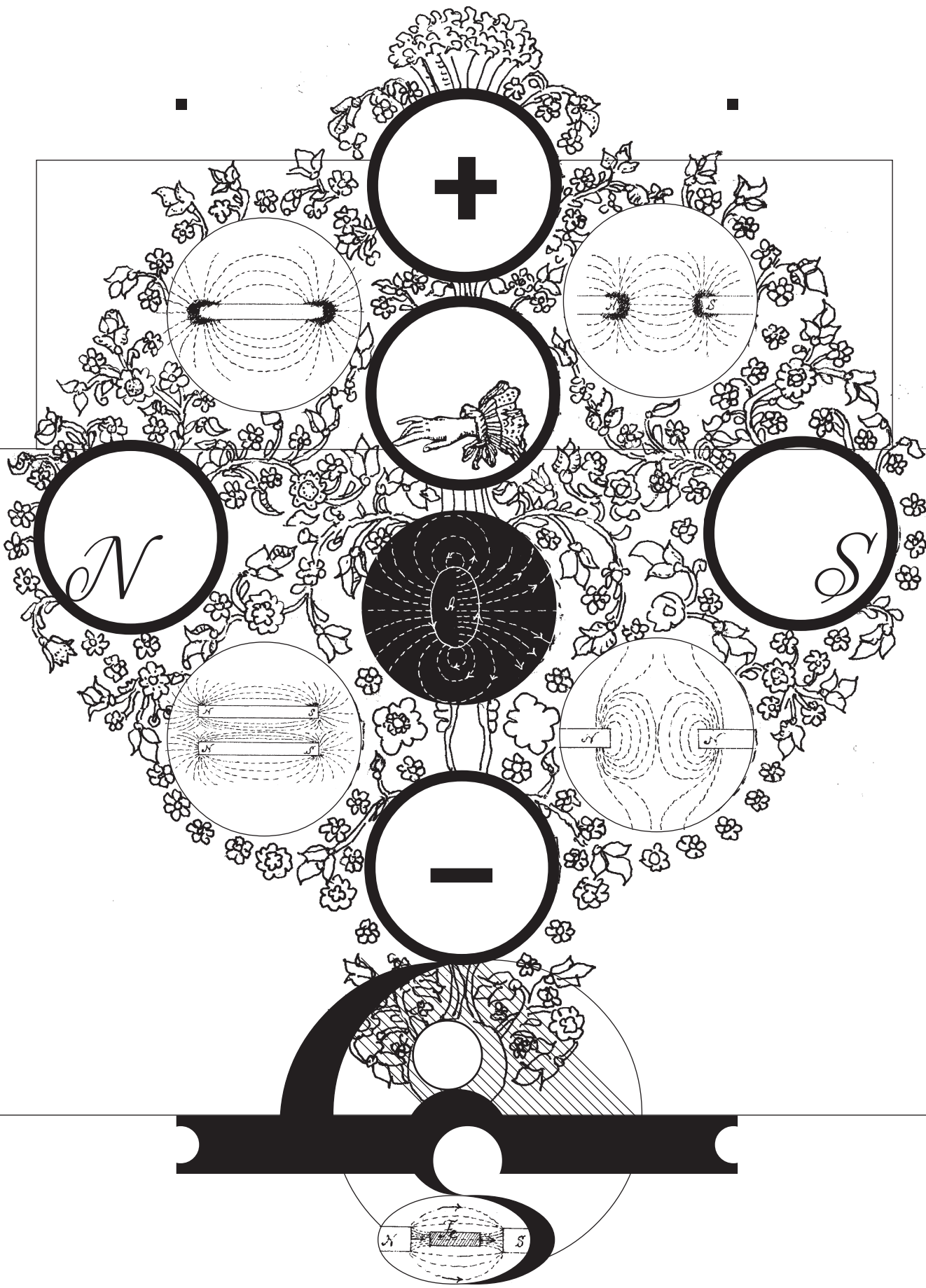
Шипенье и треск! Словом, успех,
Связанный с ожиданиями
пользы электрицизма велик.
Лечили глазные болезни, суставы, головные
боли.
«Счастливы были мы с сыном,
И всё более
Уверовались в физику...
Я ездил округой, излечил много народа
А в начале апреля 1793-го года.
вдруг разразилась теплом погода,
моя подвода
увязла, я воротился домой.
Вернулся к своим письменным
упражнениям
Начал писать об электрицизме,
о лекарственных травах, о механизме
заживления свежих ран, о раздраженьи
ожогом...
о русском лекаре Ерофеиче, словом,
о многом
верном и важном,
могущим обратиться к пользе
всего человеческого рода...»

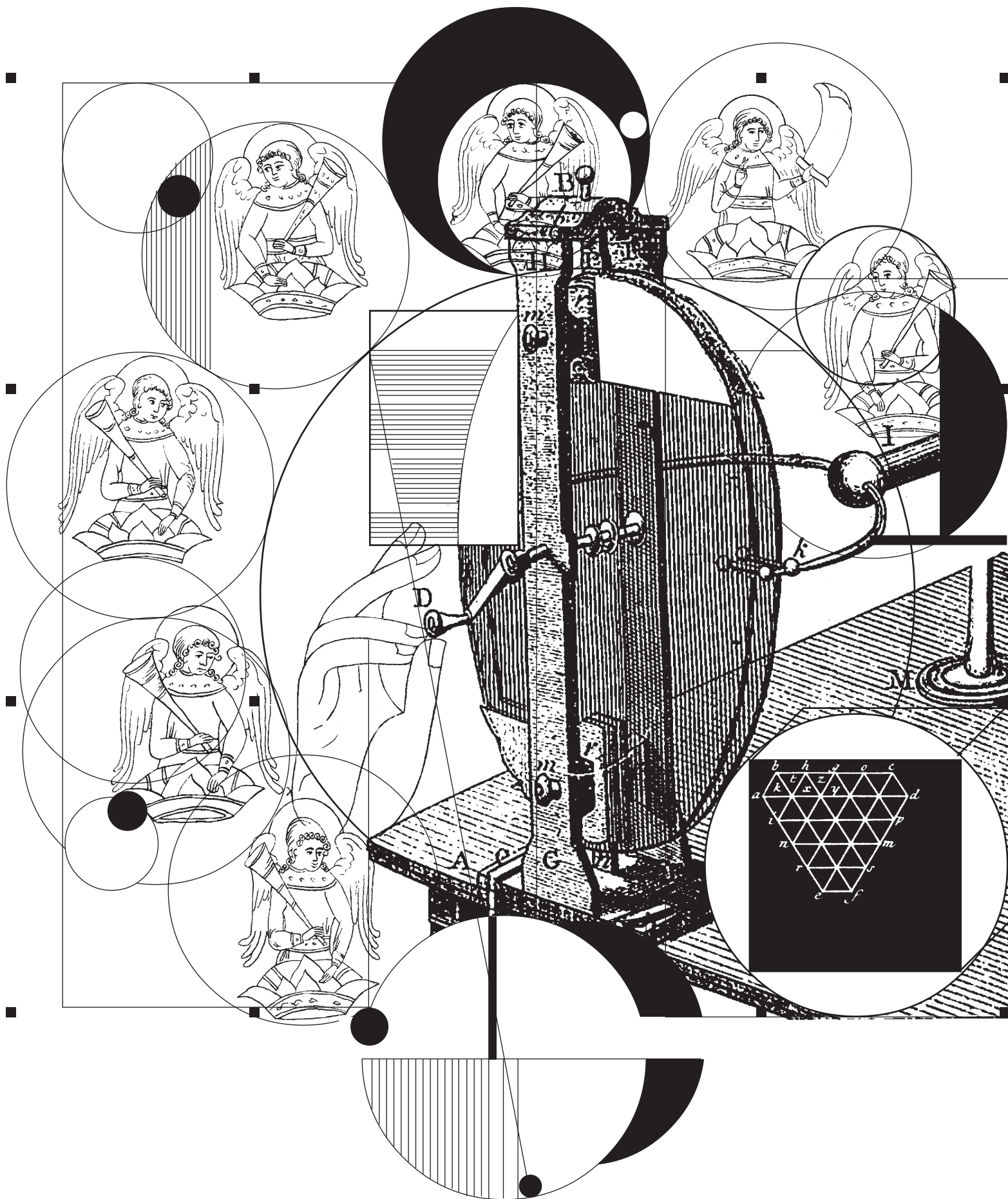

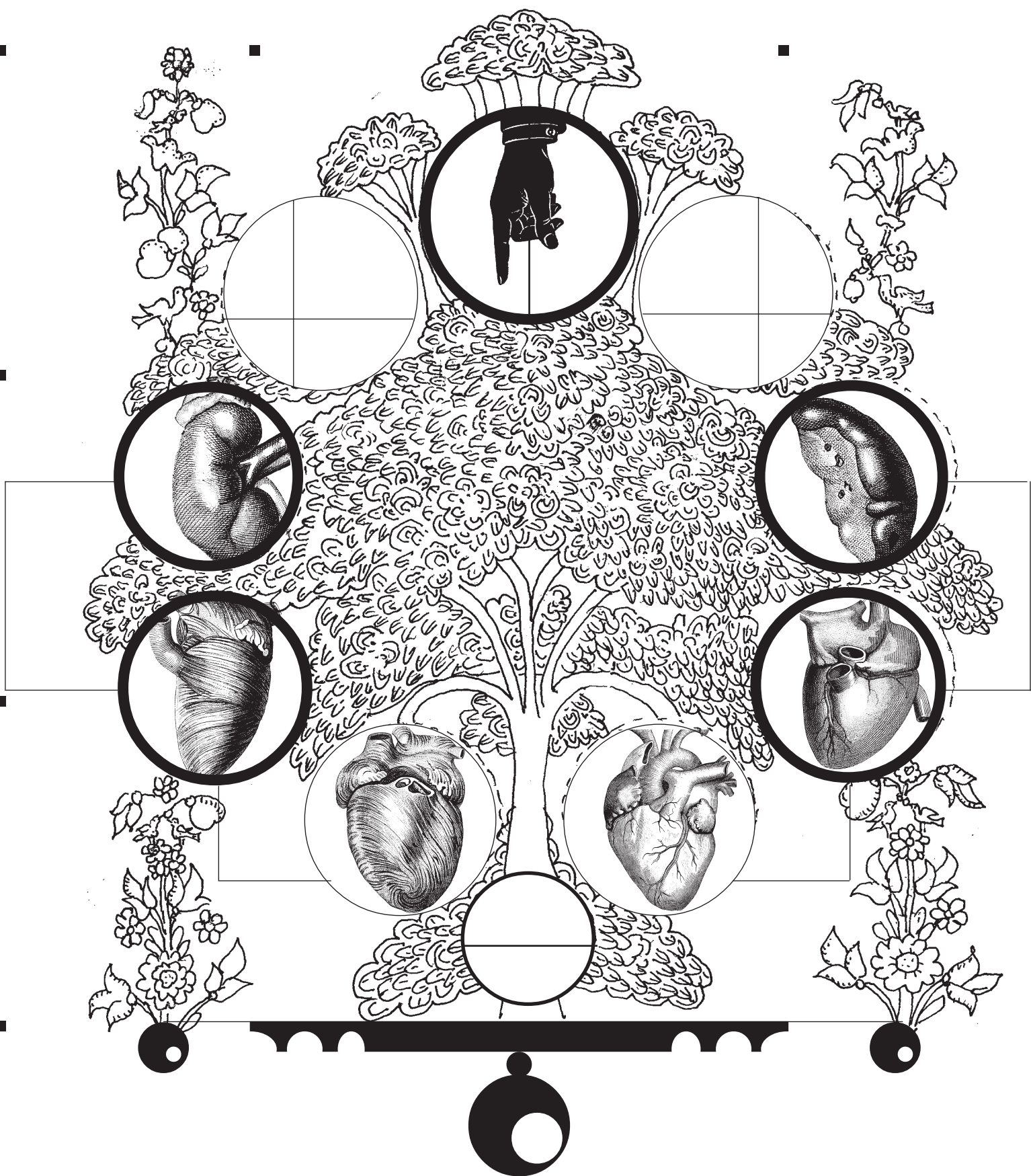
А погода... Ну что погода?
– погода пустяк,
ведь так?

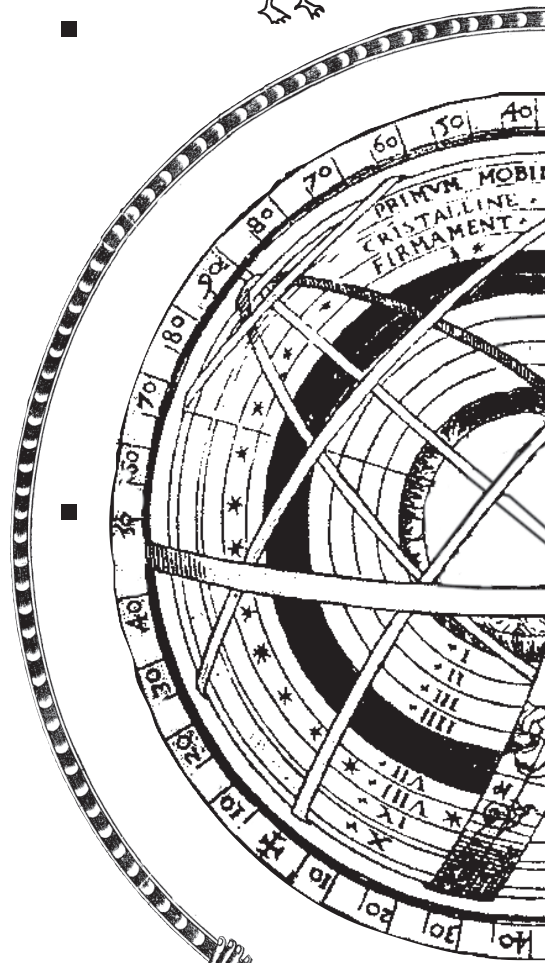
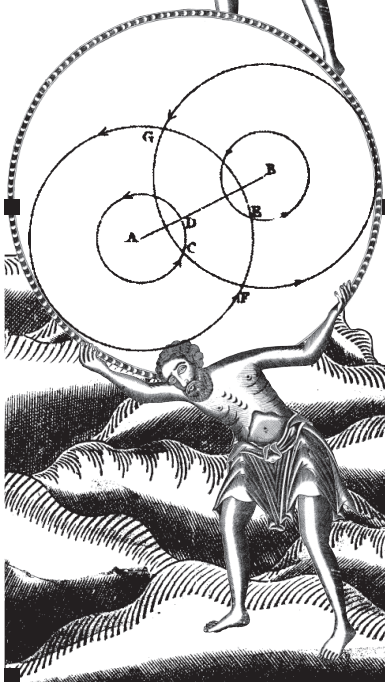
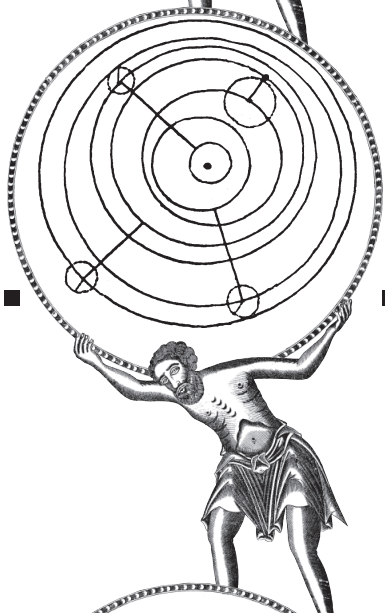
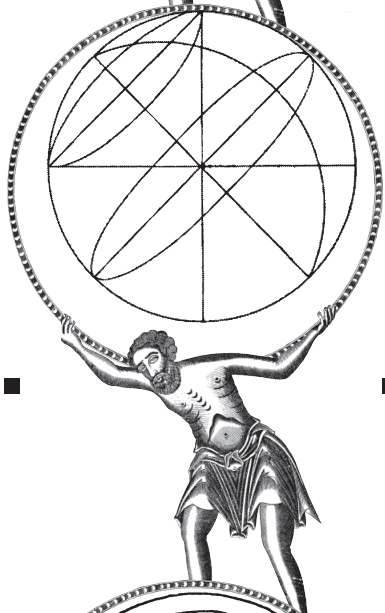
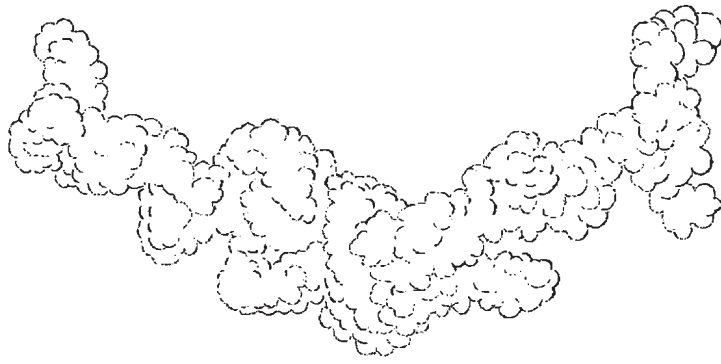
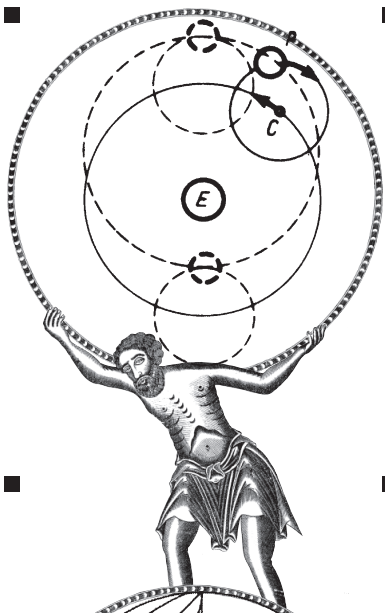

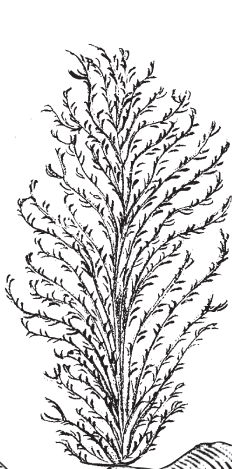
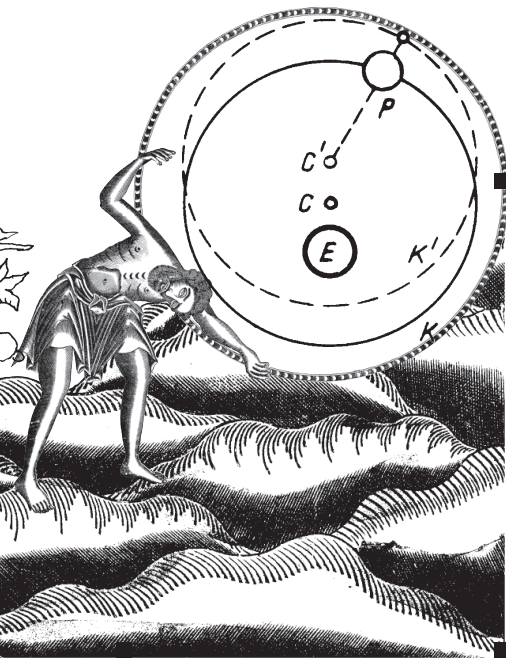
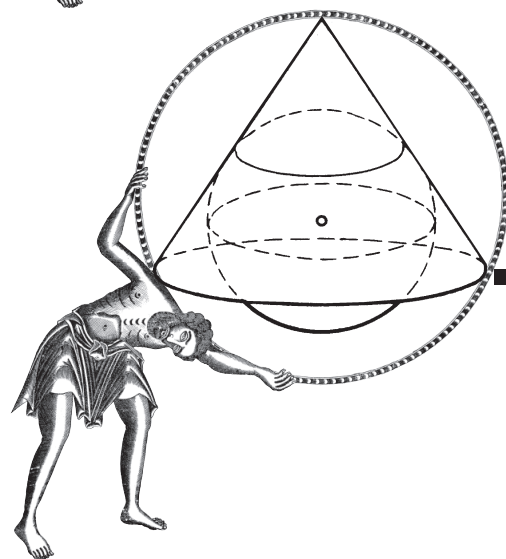
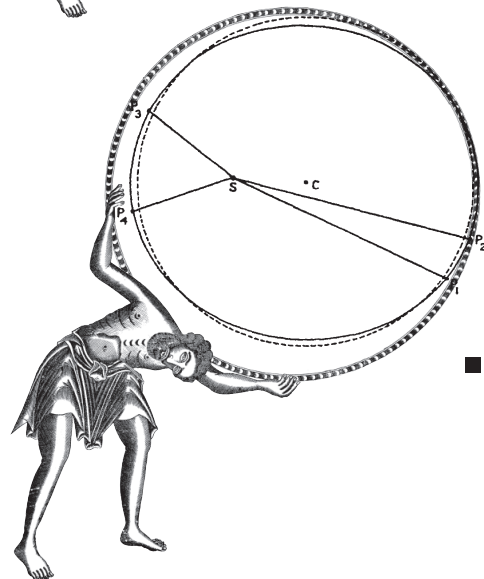
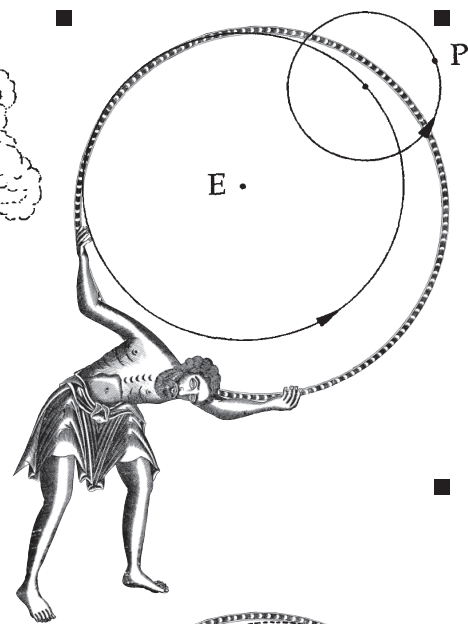
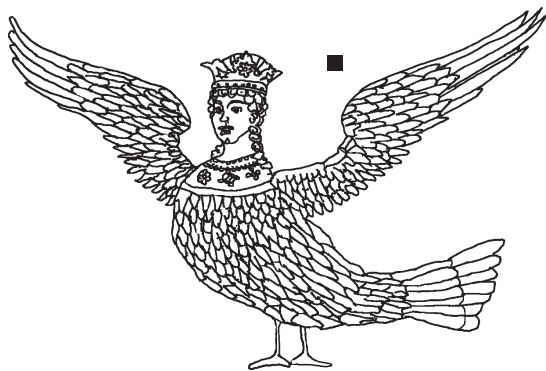
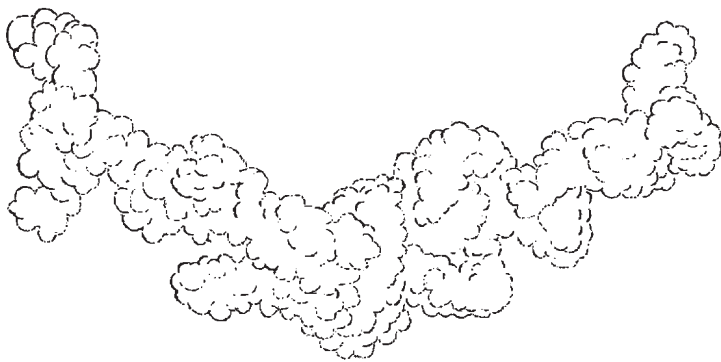
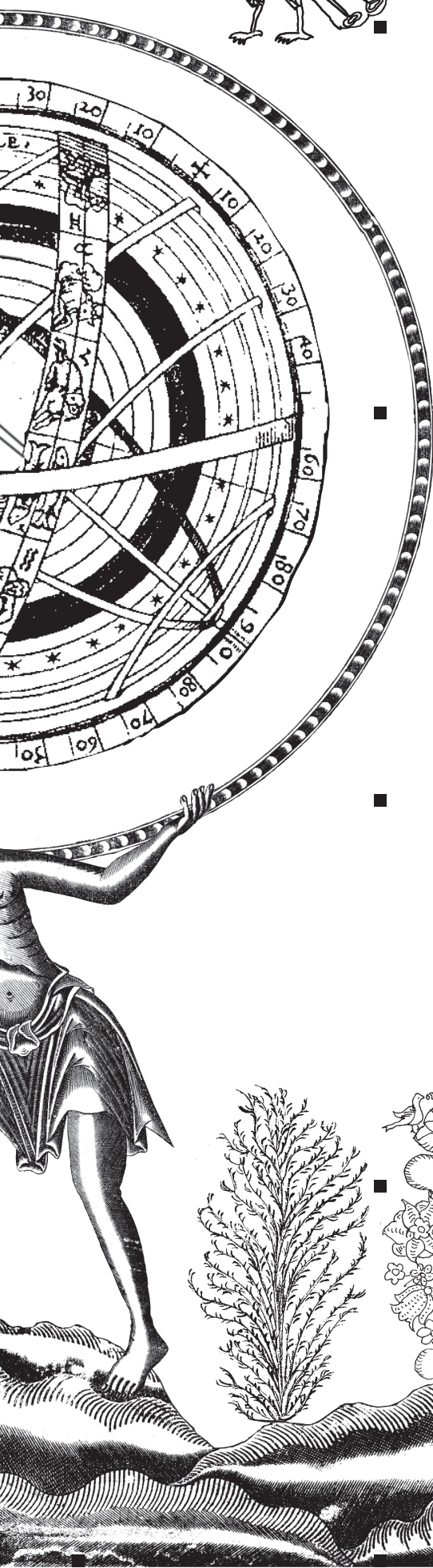

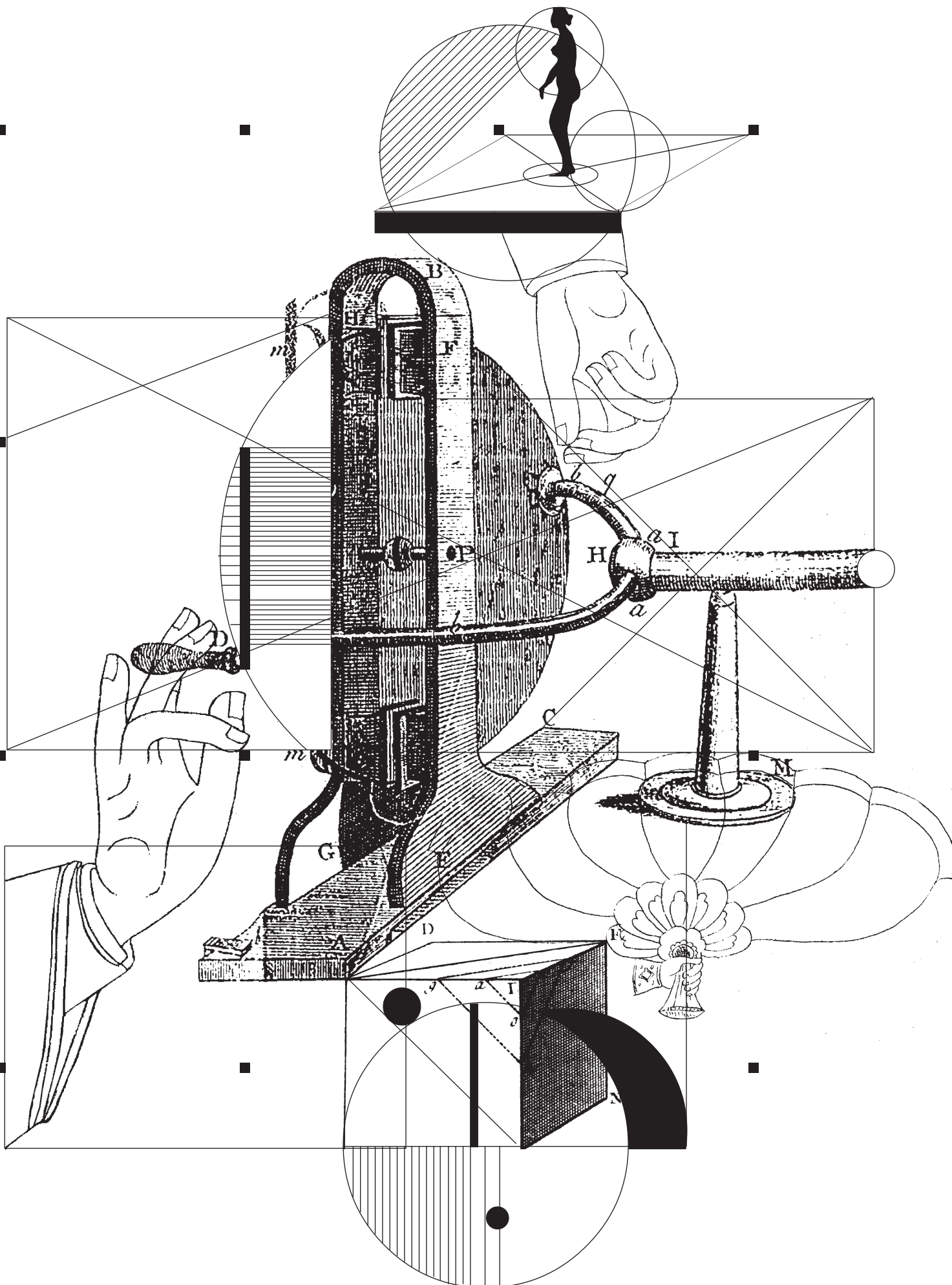

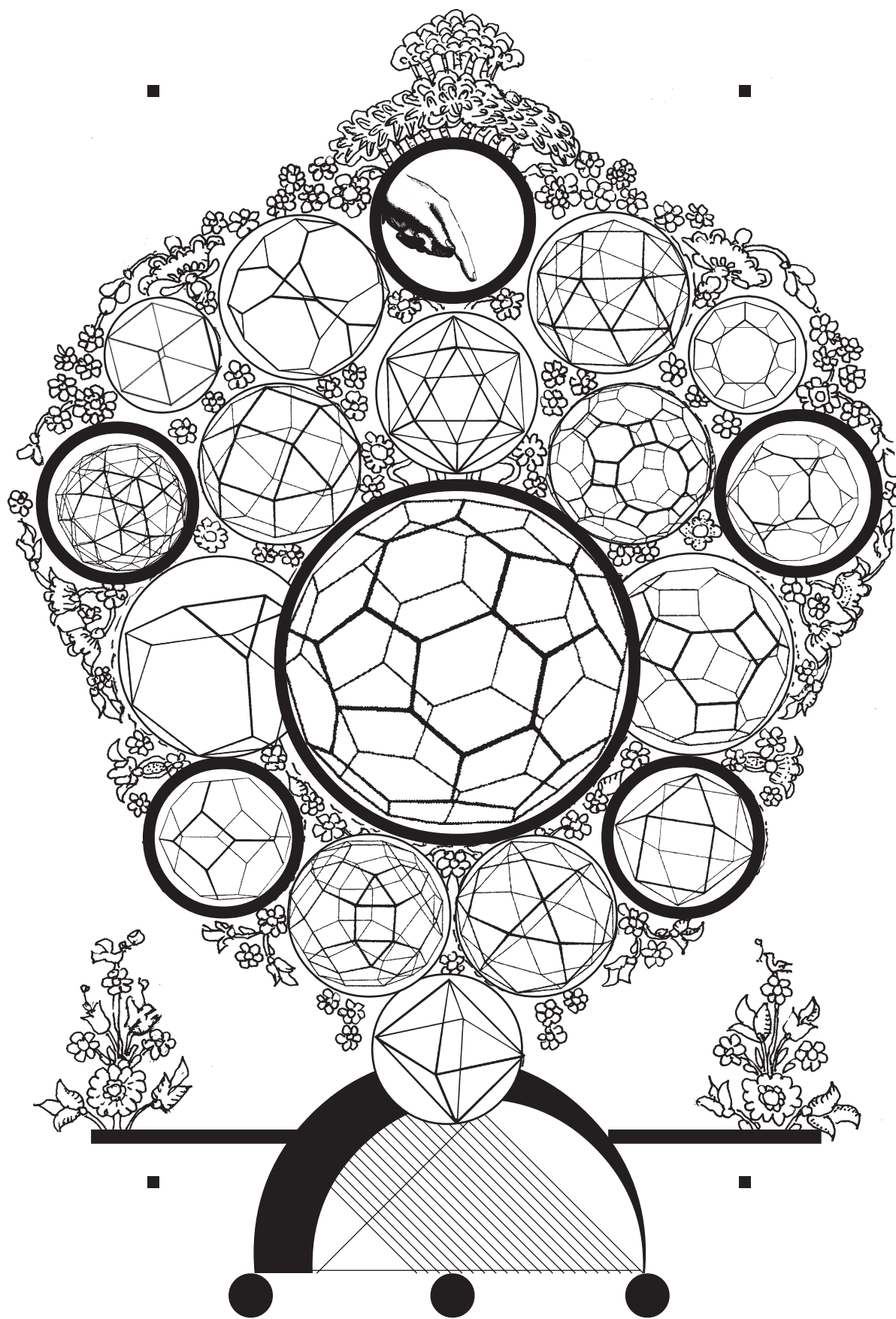

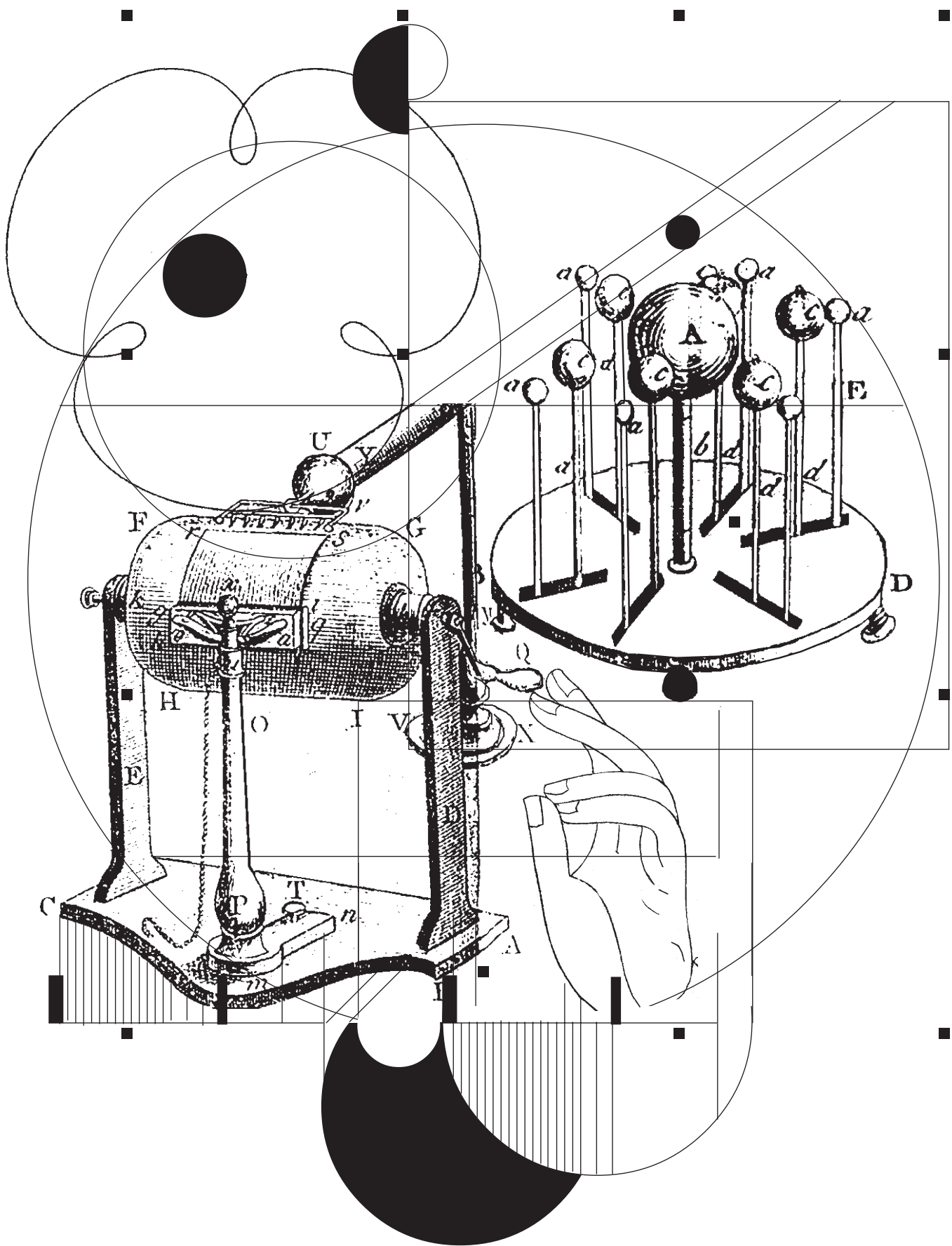

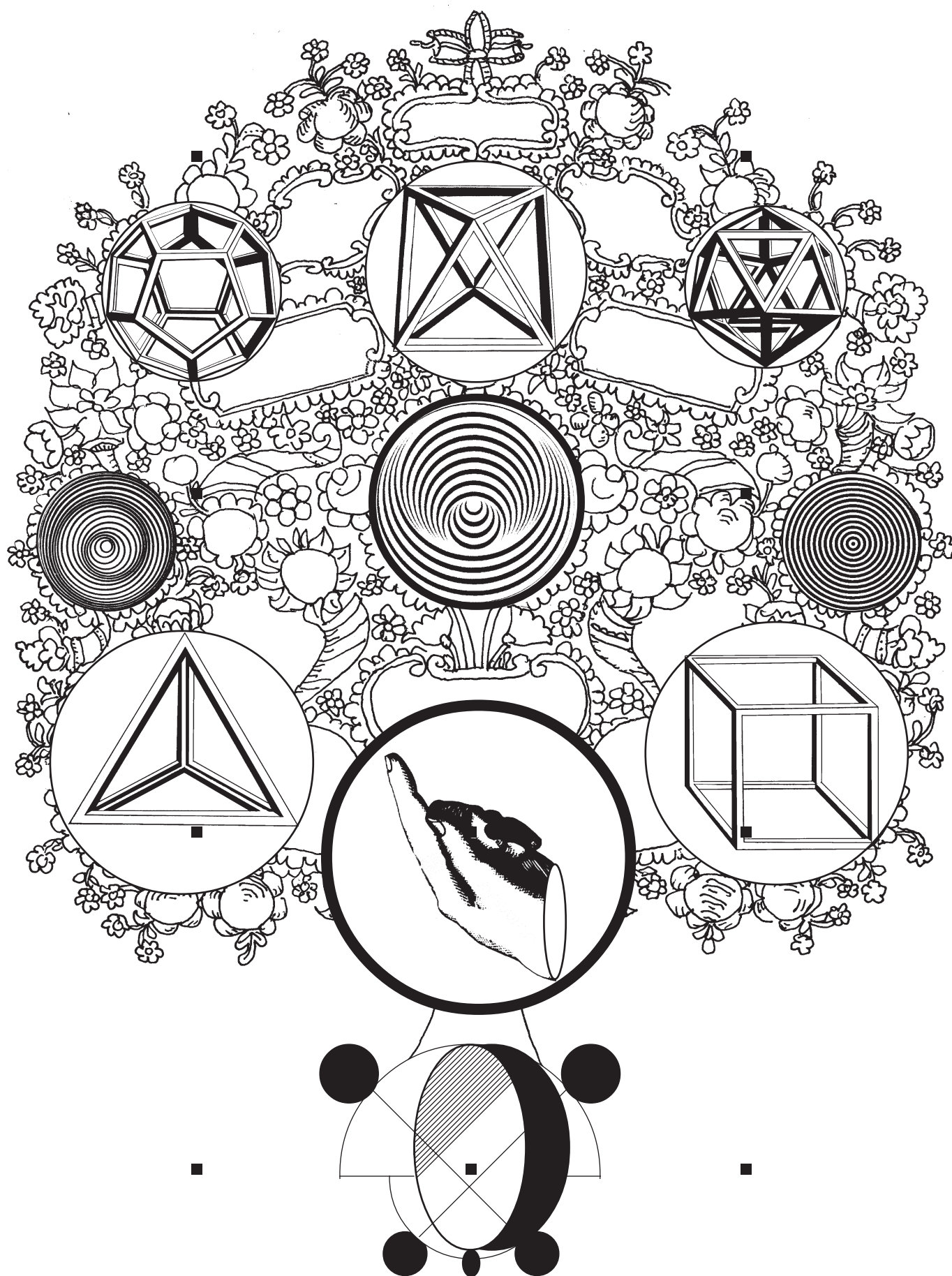

Е .

БОЛОТОВ В САДУ

1.

Электрическую машину смастерив,
удесятерив
действие сей на живую натуру,
микстуру
создав,
для того растерев
в порошок горох семян от трёх трав.

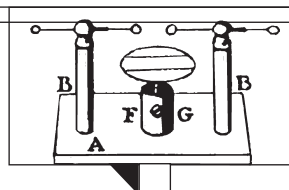
Рецептуру
распространив
На всю Москву, отстранив
от лица
наливное яблоца
на тугой ветке.

Праотца
Адама достойный отпрыск
(не ростом, так возрастом), созрев
Болотов, до того обозрев
в «Экономическом магазине»

Основы труда и блага
Счёл за благо
засесть за важный трактат...

Бумага
Стерпит.

«Путеводитель
к истинному человеческому счастью
или опыт нравоучительных и отчасти

(п р и л о ж е н и е)

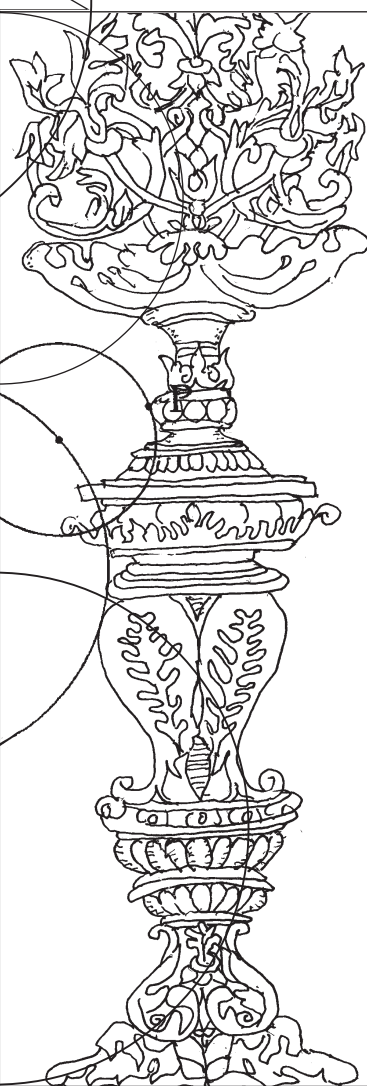
Философических рассуждений...».
Результат ночных бдений,
Дневных тягот...
Федот, да и тот
о благополучии
человеческой жизни
задумается
и о средствах приобретения оногo.
Вон оно.
Как...

2.

... времени труха и прах
сушёного листа и порошок
сгоревшего бумажного листа
секунд мельчайших бой.
Ты наклонился – пред тобой
плод яблони земной
а над тобой плоды плеяд созревших
звёздный урожай, Его свершение.
Небесный сад как головокружение,
как лейка над родимым садом
И электрическим разрядом
Стекает звездный ток

И тот росток
Трепещущий,
Ты сам...

Е .

Визуальная идея номера – смешение двух графических программ, синхронных (середина XVIII – конец XIX веков), но противоположных по духу. Программы эти – рисованный старообрядческий лубок с его постоянными сюжетами (мировое древо, цветы, сирины и алконосы) и академическая иллюстрация учёных-натуралистов. Суть одной программы – консерватизм и герметичность; суть другой – просвещение и универсальность. Обе программы создавали эфемерные, хрупкие, как гербарии, графические образцы, которые здесь соединены. В древа и соцветия старообрядческих сюжетов вписаны математические модели, линии магнитного поля, анатомические рисунки, орбиты и планеты из небесных атласов и эфемерид. А вокруг электрических машин из научных монографий и технических руководств расположены ангельские лики и иконописные длани со страниц лубочных миниатюр. Обрамлением этой книги стали два стихотворения, посвящённые замечательному естествоиспытателю, ботанику и селекционеру, инженеру и фармацевту рубежа XVIII–XIX веков Андрею Тимофеевичу Болотову.

The visual idea of the number is a mix of two graphic programs, synchronous (mid-XVIII – late XIX centuries), but opposite in spirit. These programs are a hand-drawn old believers' splint with its constant subjects (the world tree, flowers, Syrians and alkonos) and academic illustrations by naturalist scientists. The essence of one program is conservatism and integrity; the essence of the other is enlightenment and universality. Both programs have created an ephemeral, fragile, like a herbarium, graphic samples, which here are connected. Mathematical models, magnetic field lines, anatomical drawings, orbits and planets from celestial atlases and ephemerides are inscribed in the trees and inflorescences of old believers' stories. And around the electric machines from scientific monographs and technical manuals are angelic faces and iconographic hands from the pages of splint miniatures. The book is framed by two poems dedicated to the remarkable naturalist, botanist and breeder, engineer and pharmacist of the turn of the XVIII–XIX centuries, Andrey Timofeevich Bolotov.

p r o g r a m m e
b l a c k / w h i t e

p u b l i s h e r s

«Alcool» – «Dirigible»

Moscow - Nizhny Novgorod

www.dirizhabl.ipfran.ru

12 numb. copies

silk screen print